

Валерий Брюсов

Смена культур

Валерий Яковлевич Брюсов

Смена культур

«Пролетарская культура, пролеткульт – слово ново и модно, но понятие, определяемое им, далеко не ясно. Мне лично довелось слышать от одного талантливой представителя нашей «пролетарской поэзии» характерное признание: «У меня самого этот вопрос (о пролетарской культуре) ещё очень смутен в голове». Под «пролетарской поэзией», напр., одни разумеют – произведения, посвященные быту и идеологии пролетариата, другие – всё, что пишется авторами-рабочими, третьи – нечто, по форме и содержанию непременно противоположное прежней «буржуазной» поэзии и т. под. Так в число пролетарских поэтов то зачисляются Верхарна, то нет; то включают любого рабочего, скропавшего стишки, то мечтают о какой-то совершенно новой, ещё небывалой литературе и т. д. ...»

Валерий Брюсов

Смена культур

Пролетарская культура, пролеткульт – слово ново и модно, но понятие, определяемое им, далеко не ясно. Мне лично довелось слышать от одного талантливого представителя нашей «пролетарской поэзии» характерное признание: «У меня самого этот вопрос (о пролетарской культуре) ещё очень смутен в голове». Под «пролетарской поэзией», напр., одни понимают – произведения, посвященные быту и идеологии пролетариата, другие – всё, что пишется авторами-рабочими, третьи – нечто, по форме и содержанию непременно противоположное прежней «буржуазной» поэзии и т. под. Так в число пролетарских поэтов то зачисляют Верхарна, то нет; то включают любого рабочего, скропавшего стишки, то мечтают о какой-то совершенно новой, ещё небывалой литературе и т. д.

Полагаю, что оценка этих вопросов подлежит не только одним представителям пролетариата. Важнее и нужнее здесь методы и навыки научно-исторического исследования. Так, напр., древнеегипетскую культуру глубже могли понять не сами египтяне, а совре-

менные египтологи. Никто не судья в своём деле, и, если строить пролетарскую культуру – задача, может быть (не предрешаем вопроса), исключительно рабочего класса, в узком смысле слова, то выяснять сущность этой культуры – задача каждого мыслящего человека, подготовленного к тому своими знаниями и предшествующими работами. Ведь вопрос идёт о чисто историческом явлении: смене одной культуры другой.

И, прежде всего, – что такое культура! Самое слово – весьма неопределённо. По меньшей мере оно имеет два разных смысла. В науке употребляются термины – народы культурные и не-культурные, т. е. под «культурой» разумеется известная степень цивилизации, развития. Но наука трактует также о культуре первобытных народов, т. е. считает культурой любую, даже самую низкую, степень развития. Далее отличают культуру античную от средневековой или новоевропейской, а в то же время рассматривают отдельно английскую культуру XVII в. или – французскую XVIII. Наконец, говорят о культуре старо-дворянской, о культуре буржуазной

и др., не считая, что существуют такие подразделения, как культура духовная, культура материальная и т. д.

Однако, все эти разнообразные и как бы противоречивые выражения могут быть примирены между собой, Придётся только отказаться от термина «не-культурные» народы, вернее – отнести его к народам, стоящим на столь низкой ступени развития, когда существуют ещё только зачатки культуры, а не самая культура. Вообще культуру можно определить как совокупность характерных особенностей быта, верований, познаний, художества и политического строя данной человеческой среды. Но, конечно, такое формальное определение, как все подобные определения, не говорит, в сущности, ничего. Чтобы осмыслить его, надо влить содержание в отвлеченные термины.

Начнём с того, что понятие культура – шире, чем понятие быт. Быт, внешний уклад жизни, различен для разных слоев общества в одну и ту же эпоху, у одного и того же народа. Быт московских царей (об чём писал Забелин) в XVII в. весьма отличался от быта рус-

ского купца и русского крестьянина того же времени. Вместе с тем быт сравнительно быстро эволюционирует, видоизменяется. В XVIII в. быт всех классов русского общества был уже иным, нежели в XVII. Но русская культура оставалась, в своих основах, неизменной за всё время московской Руси, испытала сильные потрясения в эпоху преобразований при Петре I, впитала в себя не мало нового, но опять-таки вряд ли изменилась по существу. Можно говорить вообще о русской культуре от Рюрика (и даже раньше) до Николая II (и даже позже).

Точно так же не совпадает понятие культуры с понятием образованности, степени цивилизации. Ясно, напр., что древний Египет за 5 или 7 тысячелетий своего существования прошел целую лестницу по ступеням образованности, – вверх и вниз, – но мы по праву говорим вообще о древнеегипетской культуре. Не связана тесно культура ни с религией, ни с наукой, ни с искусством, ни с политическими установлениями. Рим переходит от республиканской формы правления к принципату Августа и его преемников, по-

том к абсолютной монархии Диоклетиана и Константина; Рим отрекается от религии олимпийцев и принимает христианство; но римская культура длится на протяжении 12 столетий и даже больше. Подобно этому в новой Европе сменяются научные, философские и художественные школы, мелькают такие широкие направления, захватывавшие всю жизнь, как лжеклассицизм, романтизм, реализм и позитивизм, символизм и др., но всё это не изменяет основ новоевропейской культуры.

Остаётся рассмотреть влияние на культуру экономических факторов. Из приведённых примеров следует, что весьма важные экономические изменения в жизни народов и государств не в силах были коренным образом изменить их культуру. Несомненно, капиталистический строй Европы конца XIX и XX века и полуфеодальный строй Европы XVII века, времён Короля-Солнца, прямо противоположны один другому; тем не менее понятие новоевропейской культуры, от исхода Средних веков до эпохи Великой войны – вполне определено. То же самое относится, напр., к Рим-

ской империи, пережившей несколько глубочайших экономических переворотов от времен Августа до Феодосия, но сохранявшей характерные черты единой римско-античной культуры. Другими примерами могли бы служить древний Египет, Эллада, Китай, европейское Средневековье и пр.

Если брать понятие культуры в его наиболее широком смысле, то такое явление, как зарождение новой культуры, окажется одним из редчайших во всемирной истории. На заре истории человечества мы знаем лемуфические пока для науки культуры лемуров и атлантов. В ранней древности (период приблизительно до 1200 г. до нашей эры) мы находим ограниченное число культур, действительно отличных одна от другой: на дальнем Востоке (от нас) – великую Тихоокеанскую культуру, представителем которой остался Китай; в древней Америке, на юге, – культуру народов аймара, преемницей которой была культура инков; в центральной части [Америки] – культуру майев; в передней Азии, Египте и Европе – культуры халдо-вавилонскую, яфетидов, египтян, индусов, эгейцев

и, менее выраженные, – этруро-италийскую и друидическую. В период античной древности (приблизительно от XII в. до Р. Х. по VI в. по Р. Х.) проходят культуры – иранская (являющаяся преемницей халдо-вавилонской), эллинская и эллинистическая (преемница эгейской), наконец, римско-античная, впитавшая в себя основы всех древнейших культур; на севере и востоке Европы зарождаются культуры германская и славянская. Европейское средневековье даёт новую, средневековую культуру, образованную сочетанием античной и германской, и культуру мусульманскую; новая Европа (с XV в.) – новоевропейскую культуру, составляющую продолжение и развитие средневековой.

Приблизительно мы перечислили все большие культурные миры человечества. Не все они были вполне самостоятельны. Только что мы указывали, что в эллинскую культуру влилась эгейская, в римско-античную – почти все предшествующие, в средневековую – античная и германская и т. д. Большие культурные очаги имели свои ответвления: от халдо-вавилонской культуры, напр.,

отделились культуры еврейская и финикийская, от этой последней – карфагенская и т. под. Очень вероятно, что ряд древнейших культур, в том числе индийская, египетская, эгейская, друидическая, развились под влиянием культуры Атлантиды. Наконец, каждая культура, развиваясь в течение столетий и тысячелетий, претерпевала видоизменения, позволяющие говорить, напр., о культуре древнейшего, среднего и нового Египта, о раннеримской культуре и культуре великой и поздней римской империи (*grand empire et bas empire*), о культуре раннего и позднего средневековья и т. д. Подобно этому, единая новоевропейская культура подразделялась на культуры итальянскую, французскую, английскую, немецкую и др.

Эти вторичные видоизменения культур уже можно поставить в теснейшую связь с экономическими изменениями в жизни народов и государств. Мы наблюдаем в истории, как переход к капиталистическому строю, основанному на широком применении рабского труда, видоизменяет раннюю римскую культуру в культуру великой империи, а впо-

следствии изменившиеся экономические условия приводят Рим к культуре поздней христианской империи. В европейском средневековье тоже новые экономические факторы, определившиеся после крестовых походов, вызывают смену культур ранней средневековой – поздней (XIII–XIV вв.). Иные экономические условия жизни в Карфагене сильно видоизменяют в нем основы халдо-вавилонской (финикийской) культуры и т. под. Однако, самые основы различных культур имеют силы устоять против всех экономических переворотов. Чтобы сломить и изменить самые эти основы, необходим, кроме новых экономических явлений, ещё какой-то другой фактор. В своей глубине он может также опираться на причины экономические (здесь не место спорить о «монистическом понимании истории»), но на смену культур эти причины влияют уже не непосредственно, а отраженным образом, преобразовавшись в исторические силы иного рода.

Каков же этот другой фактор? Это – то, что называют «духом народа». Повторяю, этот «дух» можно рассматривать как, в конце кон-

цов, создающийся под влиянием данных экономических условий жизни народа.

Но такое рассмотрение завело бы нас слишком далеко. Мы можем принять особенности рас, народов, племен как нечто самодовлеющее, и этот фактор окажется одним из важнейших в деле создания той или иной культуры. Духом семитической расы окрашены созданные ею культуры, халдо-вавилонская и др.; духом хамитов – египетская; эллинов – эллинская; римлян – римско-античная; германцев – европейская средневековая и т. д. Изменяется степень развития народа, изменяются экономические условия его жизни, сменяется в нем господство одного класса другим, но общий дух народа пребывает неизменным, пока не изменится самый антропологический состав его (как то было, напр., с населением Италии после великого переселения народов). Соответственно этому пребывает неизменной и культура, созданная этой расой, этим народом.

До сих пор мы не касались ещё вопроса о воздействии на культуру борьбы классов общества. Мы видели, что великие культуры

подразделялись на разные ветви, напр., ново-европейская на итальянскую, французскую и др. Внутри этих подразделений можно наблюдать дальнейшее дробление. Так, у нас в России в XVIII и начале XIX вв. выработалась характерная старо-дворянская культура, отличавшаяся от русской культуры других классов общества; но, конечно, по своей природе, русская культура оставалась единой, и к ней были равно причастны и дворянин, и горожанин, и крестьянин. Рабочий класс, выступая на арену истории как новая сила, везде принимал культуру своего народа, своей страны, приобщаясь в Европе к общей новоевропейской культуре. Борьба классов, выступление новых – влияли на видоизменение культуры, но до сих пор, в истории, ещё не получали такой силы, чтобы сломить одну культуру и заменить её другой.

Теперь, после всех этих соображений, мы можем более полно определить понятие культуры. Культура есть выражение духа расы, народа, племени, класса общества, в данную эпоху развития, выражающееся в отношениях ко всем сторонам жизни, как матери-

альным – особенностям быта, обычаяв, домоустройства, одежды и т. д., – так и духовным, – религии, философии, науке, искусствам, политическим установлениям. Вполне самобытные культуры создаются целыми расами и исчезают только тогда, когда данная раса теряет своё всемирно-историческое значение. Отдельные народы, отдельные племена видоизменяют общую культуру своей расы, соответственно со своими индивидуальными особенностями и экономическими условиями жизни. Внутри отдельных народов отдельные классы общества создают свои, вторичные, видоизменения родной культуры. Притом, в течение веков и тысячелетий, культуры, под влиянием общих исторических сил, развиваются, влияют одна на другую, перерождаются и, наконец, вырождаются.

Исходя из таких определений, возможно уже и вплотную подойти к нашему основному вопросу: что такое пролетарская культура, чем она хочет, может и должна быть, и что такое её выразительница – пролетарская литература, в частности, пролетарская поэзия? [Окончание следует – В. Я. Брюсов]

Европейцы склонны думать, частью бессознательно, что их новоевропейская культура является «культурой» по преимуществу. Внося её в другие страны, европейцы считают себя «культуртрегерами» (вносителями культуры), хотя бы то были страны с более древней культурой, нежели новоевропейская, как Индия, Китай, Япония. В Европе серьёзно говорят, что Япония присоединилась к общекультурному движению человечества с того времени, как переняла некоторые формы жизни у Западной Европы, что Китай всё ещё остаётся вне этого движения и т. под. Аналогично тому европейцы полагают себя вправе проповедать свою религию, христианство как «высшую форму религии» среди народов, исповедующих всякую иную веру. Христианские миссионеры шли и идут не только к полудиким племенам, верования которых действительно первобытны, примитивны, но и в страны, где распространён ислам, буддизм, конфуцианство. А, наверное, европейцы посмотрели бы с удивлением на буддийских миссионеров, явившихся проповедать

своё учение французам, немцам, англичанам, и тем более на китайских «культуртрегерах», задавшихся целью внести китайскую культуру в Европу.

Конечно, каждому верующему свойственно признавать свою религию за единственно истинную и как бы забывать, что рядом существуют другие веры, а в прошлом известны и ещё другие, ныне исчезнувшие почти без следа (напр., маздеизм, религия олимпийцев и др.). Точно также каждому сыну своей культуры, в силу привычек жизни, в силу наследственных (врожденных) склонностей, свойственно видеть в родной культуре высшую ступень развития, которой до сих пор достигало человечество, хотя бы он и признавал глубокие и часто вопиющие недостатки этой культуры. Так, напр., китаец, признавая внешние преимущества европейской культуры, не склонен отречься от всего уклада жизни, освященного в Китае привычкой тысячелетий, и турок или перс не хочет отказаться от характерных особенностей мусульманской культуры (напр., от многоженства) ради всех благ, сулимых европейским укладом.

Но, без сомнения, особая самоуверенность новоевропейцев опирается на то, что до сих пор они по большей части оставались победителями во всех военных столкновениях с народами иных культур и иной религии. То обстоятельство, что весь ход исторического развития Европы, от средних веков до нашего времени, вёл её к особенному изощрению искусства войны и истребления людей, к господству новейшего милитаризма, – заставило европейцев верить в исключительное превосходство их культуры.

Мало того. Европейцы склонны также думать (и частью также бессознательно), что их культура не только лучше, совершеннее всех других, бывших прежде и существующих ныне, но является вообще завершительной формой культуры. По европейским понятиям, новоевропейская культура, с её разительными успехами точного знания и техники, есть то самое, чего разные народы в разные времена искали, создавая свои разные культуры. Европа уверена, – или, по крайней мере, до последнего времени была уверена, – что её культура останется уже навсегда, что она может только

развиваться дальше, распространяться шире, но, основанная на прочных, «истинных» началах, погибнуть не должна. Точнее, – гибель новоевропейской культуры всегда представлялась европейцам как гибель культуры вообще, за чем должен наступить мрак варварства и новое медленное восхождение человечества по ступеням цивилизации, которые приведут его опять к тем же началам европейской культуры...

Рассуждая так, европейцы, – в том числе учёные, историки, социологи, философы, – как бы забывали, что на Земле сменился уже ряд культур, поочерёдно уступавших первенствующее место одна другой. В чём новоевропейская культура, *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности), имеет преимущество перед другими? Не в длительности ли своего существования? Но она существует едва несколько столетий или, даже если считать её прямым продолжением средневековой (утверждение весьма сомнительное), во всяком случае не более 13 веков. Между тем культуры халдо-вавилонская, древнеегипетская и эгейская пережили несколько тысяче-

летий и всё-таки погибли; античная культура, от времен Гомера до Аттилы, прожила те же 13 веков; византийская – больше 10; китайская – ещё жива, хотя начало её заходит далеко за начало нашего летоисчисления и т. д. Или в своём внешнем успехе? Но античная культура также подчинила себе весь тогда известный «мир», за малыми исключениями, и её носители также побеждали во всех столкновениях с народами иных культур. Или в утончённости форм, до которых Европа довела внешние условия жизни (разумеется, для имущих классов)? Нет, в этом отношении Европа далеко не достигла той высоты, которую знали древний императорский Рим, классический Китай, отчасти старо-мусульманский Восток.

Европе остается ссылаться на успехи своей науки и техники, своей философии, своего искусства, на совершенство своих политических установлений. Но и такая ссылка не будет оправдана фактами истории. Иными путями, иными методами, но мудрецы и учёные древней Халдеи, древнего Египта, Индии, античного мира достигали во многом высшего,

нежели современная европейская наука, в познании «тайн природы». Если говорить о технике, то должно вспомнить, что народы древних культур без помощи паровых машин, электричества и двигателей внутреннего сгорания, умели передвигаться по земле едва ли медленнее, чем мы в поездах и в океанских стимерах; воздвигать такие, вряд ли доступные современности, чудеса зодчества, как пирамиды, храм Бэла, слоаса тахита (большая канализация (лат.)), римские дороги; создавать в своих городах, даже построенных в африканских пустынях, условия жизни, которым должен завидовать любой европейский город, и т. д. В философии достаточно упомянуть греческих мыслителей, с «божественным» Платоном во главе, чтобы отнять у европейской философии права на первенство. Наконец, в области искусства новая Европа не создала ничего такого, с чем не могли бы соперничать эллинские ваятели и художники, римские эпика и прозаики, восточные лирики; пожалуй, одной европейской музыке трудно было бы противопоставить что-либо в прошлом, но именно музыка древних

и древнейших народов нам всего менее известна.

Итак, нет никаких научных оснований утверждать, что новоевропейская культура должна быть более жизнеспособной, нежели другие, предшествовавшие ей. Различные культуры, как всё «под луною», тоже – смертны. Они рождаются, растут, развиваются, дряхлеют и умирают. Римский поэт, Гораций, в одном своем «эпиде» предвидел гибель античной культуры и пророчествовал, что наступит день, когда

.....

Пророчество исполнилось, слово в слово, в дни Алариха и вандалов. Почему же не ожидать, что исполнятся пророчества других поэтов, предвещавших гибель европейской культуры, прозревавших день, когда –

*будут волки выть над опустелой
Сеной,
И замок Тоуэра исчезнет без сле-
да!
В руинах, звавшихся парламент-
ской палатой,
Как будет радостен детей свобод-*

*ных крик,
Как будет весело дробить остат-
ки статуй
И складывать костры из беско-
нечных книг!*

Впрочем, история повторяет себя редко. Различные смены культур происходили различными путями. Халдо-вавилонская культура не была уничтожена, а ассимилирована сначала ассирийцами, потом медами (мидянами), персами, парфами (парфянами). Полу-дикие племена эллинов сокрушили государство эгейцев (в том числе один из их последних оплотов, Трои), но быстро усвоили себе эгейскую культуру и во многом двинули её вперёд. Напротив, ацтеки в Центральной Америке, разгромив государство майев, хотя и поддались их культурному превосходству, никогда не могли возвыситься до той же высоты, как их побеждённые учителя. Рим, подчиняя себе страны и народы, впитывал в себя их культуры, которые потом, в столицах античного мира, как в гигантских горнах, переплавлялись в единый сплав, называемый римско-античной культурой. Наоборот, гер-

манские племена повергли античную цивилизацию во прах, растоптали её и вернули добрую треть человечества во мрак варварства, который лишь медленно стал оживляться как внутренними усилиями новых народов, так лучами воскресавшей античности. Наконец, смена культуры средневековой – культурой новоевропейской произошла без больших потрясений, в силу внутренней эволюции.

Как же должны мы себе представлять гибель новоевропейской культуры и замену её другой? Земля ныне нам достаточно известна; даже сфинксы обоих полюсов открыли свою загадку. На всей земле не видно таких народов, которые могли бы по отношению к Европе сыграть ту же роль, как эллины по отношению к эгейцам, ацтеки – к майям, германцы – к Римской империи. «Чёрный материк» (Африка) всего менее проникнут духом завоеваний, и тому же совершенно не объединён. «Жёлтая опасн...» [На этом рукопись обрывается]